

Виктор ДАВЫДОВ

НАЧАЛЬНИК ШАХТЫ

Более восемнадцати лет трудился Санкин Александр Федорович на шахте «Центральная» города Прокопьевска: шесть лет – главным инженером и двенадцать – директором. Это в его бытность шахта гремела рекордами добычи из-под гибкого перекрытия, рекордами мировыми и союзными по проходке горных выработок, коллектив работал стабильно, с перевыполнением плана.

Дошли до нас слухи, что его как лучшего среди директоров шахт Кузбасса представляют к званию Героя Социалистического Труда. Однако в этот самый момент выдвинули его на повышение. И «Героя» получил другой.

Бывший фронтовик, он умел поставить дело так, что каждый из его подчиненных четко знал свою задачу, умел предвидеть и своевременно готовить очистной фронт, заботился о переходе на новый горизонт, к новым угольным запасам.

Строг был Санкин, но и хитроват, когда требовалось. Помню, перед днем повышенной добычи в честь годовщины рождения Ленина собрал он бригадиров участков к себе в кабинет. И я, будучи внештатным корреспондентом шахтовой многотиражной газеты «В бой за уголь», из интереса пошел вместе с ними. Рассказал Константин Федорович, сколько от какого участка ожидает добычи, чтобы шахта, как всегда, была в городе впереди всех по трудовым показателям. И добавил:

– Только на вас, бригадиров, надеюсь! Как вы сумеете организовать работу в своих забоях, так и шахта сработает!

Следом собрал директор нас, горных мастеров, и заявляет:

– На вас, горных мастеров, у меня вся надежда! Как сумеете организовать работу на своем участке, так шахта и сработает! Не подкачайте!

Воодушевленные такой его речью, бригадиры и горные мастера не подводили его, и шахта во все повышенные вахты добывалась такой высокой добычи угля, что иной шахте и за целый месяц не выдать. Так что от первого руководителя многое зависит.

Однажды, приехав в областной центр – город Кемерово, надумал заглянуть к бывшему директору шахты «Центральная» Константину Федоровичу Санкину. Хотя у нас и не было «шапочного знакомства», и, конечно же, он не помнил меня. Более трех тысяч человек в его бытность директором трудился на шахте. Если встречались когда на планерке или в шахте, для него это был мимолетный эпизод в череде множества ежеминутных дел и забот крупного руководителя.

Всего один день и довелось побеседовать с ним в его домашней обстановке. Он явно был рад моему приходу и тому, что интересуюсь его жизнью. Жена его Полина Ивановна поставила на стол чай. Так за чаем и протекала наша беседа. А вскоре пришло известие, что он умер. И остались от той встречи всего несколько записей его воспоминаний.

ГОРДОСТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ

Рассказ первый

Мне легко было работать на этой шахте, потому что вырос я, как и большинство трудящихся шахты, в этой же среде. Жил на поселке Голубевка, все эти люди знали меня. Моего отца в тридцать седьмом забрали, и он больше не вернулся. А в народе уже разобрались, что страдали невинные. К тому же был я участником войны...

И вот еще что немало важно, на мой взгляд, – я уделял особое внимание бригадирам. Всегда перед повышенной добычей к знаменательным датам – а тогда было очень важно сработать образцово, высокопроизводительно и без травм и аварий – я приглашал к себе перед сменой бригадиров. И, как на фронте, обрисовывал ситуацию на шахте и просил их организовать работу в их бригадах.

В течение года старался найти время, чтобы посетить каждого бригадира в семейной обстановке.

Такие поездки заранее не планировал, не всегда свободное время, к сожалению, находилось. Однажды, улучив такой момент, приглашаю с собой парторга Анатолия Ильича Пахаренко и председателя профкома Константина Федоровича Хрибкова и едем навестить одного молодого, опытного бригадира. Адрес: «Сибирь». До недавних пор было такое поселение прямо за шахтой. Дома, словно ласточкины гнезда, прилепились один к другому. В лабиринтах улочек и переулков без помощи не найдешь нужного человека. Поплутали изрядно. Наконец нашли. Тесный домик скорее напоминал землянку. Но кухня и комната побелены, всюду чистота и порядок. Четверо ребятшек, мал мала меньше, робко столпившись, выглядывают из комнаты. Жена растерянно тербит передник:

– Да как же это, директор шахты приехал, а мне и посадить вас негде!

– Что ж это ты, – обращаюсь к бригадиру, – умудряешься с большой семьей жить в такой тесноте?

– В тесноте, да не в обиде...

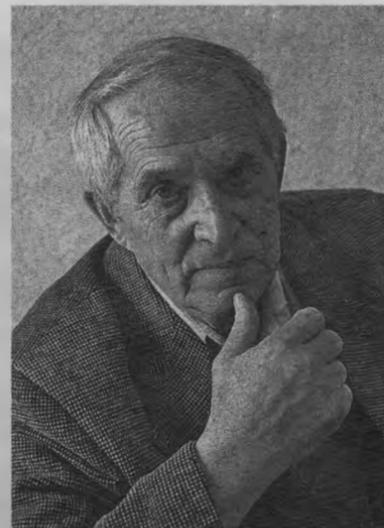
Но тут его жена перебила: – Как же, пойдет он просить! Он у меня передовик, а квартиру попросить гордость не позволяет!

Заурядный случай, но, если бы не наш визит, так и продолжал бы скромно жить наш бригадир. Примерно через полгода все же смогли выделить ему квартиру.

КАК Я ПРОСЛЫЛ «БОГАЧОМ»

Рассказ второй

Зарплату в наши застойные времена выдавали регулярно. И аванс, и получку. Но все же изредка бывали

сбои. Однажды в очередную выплату не хватило денег для выдачи зарплаты техникам. Ведь кто в первую очередь получает зарплату – те, кто непосредственно добывает уголь, затем рабочие основных и вспомогательных цехов, а техники в последнюю очередь...

Заволновались женщины, пришли ко мне в кабинет, возмущаются несправедливостью. Пригласил главного бухгалтера Еременко:

– Павел Васильевич, это непорядок! Женщинам надо кормить семьи! Надо найти выход.

– Остальные деньги на днях должны подойти, – говорит Павел Васильевич, – дня через три-четыре. Пусть подождут.

– Займи где-нибудь и отдай!

– Да где же?

Тогда пригласил к себе работника шахтовой сберкассы и попросил показать, сколько у меня на счету находится денег. Я переводил на сберкнижку свою «тринадцатую» зарплату и несколько лет не снимал. Принесли мне сберкнижку, и вижу: действительно хватит средств, чтобы этим 15 – 20 женщинам выдать их деньги.

Расписался в ведомости за получение денег и приказал бухгалтеру:

– Рассчитайся сейчас же!

И что ты думаешь! Рассчитаться-то рассчитались, а вот с тех пор и пошла в горняцкой среде молва: Санкин – миллионер!

...К нашему разговору подключилась жена Константина Федоровича – Полина Ивановна:

– Это сейчас начальство без зазрения совести себе устанавливает высоченные оклады, прикрываясь коммерческой тайной. А в наши времена все было на виду. Конечно же, зарплата директора была неплохая –

все-таки шахта постоянно план выполняла, премии были. Однако превышала зарплату передового забойщика совсем ненамного.

– Кстати, – дополнил с улыбкой Константин Федорович, – недавно в госпитале для ветеранов войны лежал – старые раны не дают покоя, так сосед по палате, узнав, что я шахтер из Прокопьевска, спросил:

– А ты случаем не знавал такого директора шахты Санкина-миллионера, который своей зарплатой считывался с шахтерами?

ВНИЗ ГОЛОВОЙ

Рассказ третий

После войны поступил в Томский политехнический институт, и после его окончания направили меня работать в Черемховский угольный бассейн. А я по Прокопьевску соскучился. И, недолго думая, сел на поезд и покатил в Москву. Сумел попасть на прием к замминистру по углю. Выслушал он меня и пишет на направлении: «Город Прокопьевск, шахта «З-З-бис».

В первую смену спустился в шахту с Павлом Гузевым, начальником участка. Зашли в квершлаг для закладки, и тут взрыв. Ребят-проходчиков пересыпало, откопали мы их кайлом. Был шокирован таким случаем, но ничего, отошел постепенно. Однажды, будучи главным инженером, спустился в шахту. Навстречу начальник участка:

– Лава плохая, сорит и сорит сверху. Никак не дает работать!

– Ну, пойдём, посмотрим.

Пришли на борт лавы, она ведет себя спокойно. Решил по лаве спуститься. Лезу спиной к лежащему боку. Падение крутое. Наступил на плохо закрепленную распорину и полетел вниз. Лечу, а в голове одна мысль об исходе моего падения: «тяжелый» будет случай или «нулевой»? (В сводках происшествий на производстве смертельный случай именуется «нулевым», а травма с последующим излечением в больнице – «тяжелым» случаем).

Однако до самого низа лавы не долетел, зацепился ногой за стойку и повис вниз головой. Начальник следом за мной ринулся. Тут же помог встать на ноги. Все обошлось, отсиделся я и пошел дальше.